

Константин Фрес

Золушка по принцу не страдает

«Литнет»

2022

Фрес К.

Золушка по принцу не страдает / К. Фрес — «Литнет», 2022

Замуж? За принца? Меня?! Никогда! Но злая мачеха и крестная Фея спелись и действуют заодно. Попивают игристое, шьют красивые платья к балу, листают последние модные журналы и так и видят Изабеллу рядом со смазливym принцем. Вот только она не привыкла сдаваться! Ей наплевать на принца, на планы родственников и одну вредную, вечно поддатую белку, путающуюся под ногами... #До одури красивый принц #Безумно упрямая Золушка #Синдикат из мачехи и феи #Белка, проходящая сама к себе

Содержание

Глава 1. Утро после пирушки	5
Глава 2. Не-джентльмены целуются восхитительно	14
Глава 3. Разбойница vs Разбойники	21
Глава 4. Любовь и долг	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Утро после пирушки

- Пить! Пить...

Силы покинули Изабеллу, как только она открыла глаза.

За окном было чудесное солнечное утро. Пели птицы.

Безжалостное утро, выжигающее яркими, горячими лучами глаза, и беспощадные птицы, своими трелями взрывающие мозг бедной девушке!

Голова ее раскалывалась, ибо вчера было выпито слишком много, по поводу ее двадцатилетия.

И во всем виноваты эти гномы, с которыми она поспорила, что они не смогут вырыть подкоп в подвал ее отца и выкатить оттуда бочку лучшего вина!

- Окно закройте! Погибаю! - простонала Изабелла, зажмурившись и пряча лохматую голову под прохладной подушкой. - Воды! Воды!!!

- Когда семеро гномов кричат «пей, пей, пей!», это не означает, что они желают тебе добра. Да и слушать их не обязательно, - со смешком ответил страдалец чей-то незнакомый голос. - Как тебя вообще угораздило с ними связаться?! Они перепьют любого мужчину, что уж говорить о маленькой девчонке!

- Эй, эй! - сердито запротестовала Изабелла, скидывая подушку с гудящей головы и мужественно открывая один глаз, чтобы рассмотреть собеседника. - Я не маленькая девчонка! Мы праздновали мое двадцатилетие, вообще-то!

- Да, конечно, - посмеиваясь, ответил ей собеседник. - Взрослая и могучая великанша?

На эту колкость Изабелла ничего не сказала, потому что ее мужественно раскрытый глаз обнаружил собеседника, и второй глаз вытаращился сам собой.

Перед глазами Изабеллы мельтешила голая мужская задница.

Отполированная до идеальной гладкости, до блеска, восторженными девичьими взглядами! Подтянутая, упругая, загорелая задница! Как будто ее обладатель валялся на белом тропическом пляже, в горячем песке, под пальмой, под жарким солнцем, ну совершенно голышом.

Несомненно, эта красивая задница была молодой. Ну, как и ее хозяин.

Самая красивая, самая совершенная задница всего Королевства! Такой неопишуемой красоты, что у Изабеллы на минуту отступили дурнота и головная боль, погасли все краски мира.

Такие задницы можно упаковывать в шелковую бумагу и дарить девицам на совершеннолетие!

- Минутку потерпи, - ответил обладатель красивой пятой точки. - Еще минуту! Когда все будет готово, я спасу тебя от неминуемой гибели.

В немом восторге девушка поднимала глаза выше, рассматривая гибкую поясницу, мускулистую, широкую, загорелую спину приятного орехового цвета, широкие плечи, сильные руки и светлые, золотые волосы, разметавшиеся по плечам.

На крепких ногах и на руках мужчины волосы тоже были золотые, поблескивали в свете утра, как тонкая стружка на столе ювелира.

Да и сам молодой человек здорово напоминал произведение искусства. Будто выточен из камня искусным резчиком.

Ну, впрочем, можно и всего его упаковать, да.

День рождения определенно удался.

«О-о-о, я что, умерла после вчерашнего? - подумала девушка, разглядывая красивого молодого человека. - И попала в рай? А если это ангел, то где его крылья? Где я и кто это вообще такой? И почему он голый?!»

Она лихорадочно обшарила себя и обнаружила, что тоже спала голышом! То есть абсолютно!

- Ты что натворил, паршивец?! - простонала она в ужасе, дрожащими руками откидывая одеяло. - Где мои вещи!?

Молодой человек рассмеялся, помешивая что-то большой деревянной ложкой.

- Для девственницы ты ведешь себя очень рискованно и неосмотрительно. Не бойся; ничего я с тобой не делал. Мы просто спали вместе.

- А зачем ты раздел меня, мошенник?!

- А ты не помнишь? Наши вещи ты вчера...

- О, стыд какой! - простонала девушка, натягивая на голову одеяло. - Это все гномы! Ну, войлочные валенки! Я попрошу у отца, чтобы он закопал все их норы, чтобы они никогда не смогли выбраться наружу!

- Это под силу только Королевскому Лесничему, - усмехаясь, ответил молодой человек.

- Ты можешь похвастаться знакомством с ним?

Изабелла прикусила язык.

- Нет, конечно, - смиренно проговорила она. - Будем считать, что гномы избежали наказания...

Королевский Лесничий, он же министр лесного хозяйства, был ее отцом и по совместительству лучшим другом Короля.

Но красивому незнакомцу лучше не знать, что дочка министра бежит по лесу в сомнительной компании пьяниц-гномов. Ведь если он кому-нибудь разболтает...

«Отец рассвирепеет и просто убьет меня! Он меня уничтожит! Он опозорит меня, погубит всю мою репутацию! Он велит отнять у меня все штаны, все сапоги, - в ужасе думала она, - лук со стрелами, конечно, отнимет тоже, а на меня напялит самую уродливую юбку, какую можно вообразить! Вон ту, с воланами! И заставить ходить в ней на людях! А потом, в качестве наказания, выдаст замуж. Да-да, за первого встречного. Или нет, еще хуже, за соседа, за этого юношу с розовыми щеками. О, только не это!»

- И одежда наша, - продолжил молодой человек, - просто намокла в пруду, куда ты нас обоих свалила. Ты забралась мне на плечи и скакала там, пока я не поскользнулся на мокрой траве. Полночи мы вытряхивали из карманов головастики.

- О, ну это не так страшно, - облегченно вздохнула Изабелла, показывая кончик носа из-под одеяла. - Значит, можно вернуться к созерцанию прекрасного. Дайте две, - сказала девушка, протягивая руку к молодому человеку.

Точнее, к тыльной его части.

- Что ты сказала? - он, было, обернулся, но Изабелла протестующе замычала, махая рукой:

- Нет, нет, - сказала она. - Повернись обратно! Если умру сегодня, то перед смертью я хочу видеть что-то прекрасное!

Молодой человек расхохотался:

- Ты думаешь, - произнес он, - что спереди все так ужасно?

- То, что у тебя спереди, приличным девушкам видеть не полагается, - отрезала Изабелла.

- А вот зад в самый раз! О, нечеловеческая красота! Так кто ты такой, говоришь, о, незнакомец с самой шикарной задницей в округе? И откуда ты тут взялся, ведь раньше я тебя не видела!

Молодой человек расхохотался так, что расплескал что-то по дубовому столу. Изабелла уловила аромат королевского горячего сладкого шоколада - верного лекарства от всех хворей.

«Варит мне с утра шоколад? Как это мило! Определенно, он намного лучше гнома, - подумала она. - Лишь бы только не оказался каким-нибудь богатеньким соседом и не попытался приударить за мной».

- Приличная девушка, говоришь? - весело сказал он. - Признаться, вчера я подумал, что это не двадцатилетие приличной девушки справляют в лесу, а банда разбойников особо жестоко убивает свою жертву. Даже хотел бежать.

- Испугался? - насмешливо спросила Изабелла.

- Очень! - ответил молодой человек, повязывая маленький фартучек и прикрывая то самое, что девушкам видеть не пристало.

- И что же ты не сбежал? - насмешливо фыркнула Изабелла.

- Я услышал твой голос и подумал, что ты попала в беду, - ответил молодой человек, обернувшись к ней.

Теперь она могла рассмотреть его хорошенько со всех сторон, и спереди он был так же хорош, как и сзади.

«Великое Три Девятое, где же делают таких красавцев?! - думала девушка, изумленно рассматривая рельефный подтянутый живот, золотящийся полоской светлых волос, широкую грудь - мечта любой девушки, желающей куда-то припасть! - Он словно сбежал из девичьих грез. Почему раньше я его не видела? Милый, спасибо, что надел этот фартук. Не то, чтобы нарисованные на нем орешки были уместны, но еще одного потрясения за сегодня я не пережила бы».

У молодого человека было загорелое, мужественное, и вместе с тем обаятельное, улыбочивое лицо. Светлые голубые глаза, ослепительная веселая улыбка и золотые локоны! Настоящие золотые, даже оттенка точь-в-точь, как волшебная золотая пряжа!

- Люк, - представился он, улынувшись так ослепительно, что Изабелла мигом забыла о красотах его задницы и едва не умерла от восторга, очарованная его улыбкой. - Садовник. Меня наняли на днях в один дом здесь, поблизости. А кто ты, прелестная незнакомка, так похожая на лесную разбойницу?

- О-о-о, - протянула Изабелла, всматриваясь в светлые глаза молодого человека. - Так ты меня от гномов спас, получается?

- Получается, что так, - ответил весело красивый садовник. - Ну, а имя прекрасной принцессы, спасенной мной, я могу узнать?

Изабелла поморщилась. Ну вот, он все испортил! По крайней мере, ухаживать пытается точно так же, как и все прочие красавчики.

- Вас этому в каких-то специальных, закрытых школах учат, что ли, - проворчала она, бесцеремонно выхватывая из его рук чашку с ароматным шоколадом. Напиток был чудесный - он ароматно пах, в меру горчил, как темный шоколад, и приятной сладостью растекался на языке, как мягкий молочный.

Пара сладких глотков, и в голове исчезли голоса вопящих гномов, прошла дурнота, да и пол перестал раскачиваться...

- Чему учат? - удивился садовник Люк. Однако, доброжелательная улыбка не сходила с его лица, и это злило Изабеллу еще больше.

«Совершенно невозможно на него сердиться, - думала она, - когда он так улыбается! Так, спокойно, Изабелла! Не хватало еще раскиснуть из-за красивого мальчишки-садовника! Тоже мне, кавалер! Начальник над навозом, повелитель леек!»

- Ухаживать за девушками, - грубовато ответила она, облизывая с губ взбитую садкую молочную пенку. - «Я спас прекрасную принцессу, посмотрите на меня!» А кого попроще нельзя спасти? Я тебе не принцесса, понял? Все эти нежности с бантиками и рюшечками меня раздражают. Ясно?

- Ясно, - неожиданно дерзко ответил Люк, склонив светловолосую голову к плечу и рассматривая ершистую девчонку с внимательным прищуром. - А что тебя не раздражает?

- А тебе зачем знать? - огрызнулась Изабелла. - Думаешь, если я пару комплиментов тебе отвесила, так и все? Влюблена в тебя по уши? И ты вроде как мой парень? Таскаться за мной по всему лесу будешь, светя всюду своей улыбкой? Как бы ни так! Спас от гномов - вот и спасибо, дальше я сама. Ценный урок получен, больше я такой ошибки не совершу. И в твоей помощи и опеке я больше не нуждаюсь!

Люк удивленно вздернул брови:

- Точно?- спросил он таким тоном, что сразу стало ясно, что он уже подстроил какую-то гадость.

- Точнее не бывает! - выпалила Изабелла.

Она соскочила с постели, завернувшись в одеяло, и Люк снова рассмеялся:

- По лесу тоже голышом пойдешь?

Он словно нарочно дразнился! Что смешного?! И сам совершенно не краснеет, хотя на нем из одежды - два орешка, нарисованные на тонкой ткани!

- Где моя одежда? - сердито выпалила девушка, подтягивая одеяло повыше и закрывая от любопытного взгляда Люка грудь.

- Да вон же, сохнет на дереве, - ответил он с прежней улыбкой, скрестив руки на груди и с ухмылкой наблюдая за девушкой.

Изабелла огляделась и поняла, что они находятся в лесной сторожке, в дубовой рощице. Сюда Люка могла привести только она. Сам молодой садовник вряд ли знал о существовании этого маленького уютного домика, вырубленного в стволе огромного мертвого дуба.

А вот она... она часто прибегала сюда, когда на душе скребли кошки и когда было особенно тяжело. Потому что совсем рядом, окруженная молодыми дубками, была могила ее матери.

Отец сам посадил красивые деревца, и Изабелла частенько думала о том, как они разрастутся и станут новым, могучим и прекрасным лесом.

«Интересно, вчера-то зачем этого притащила сюда? - мрачно размышляла девушка. - Вчера мне точно было хорошо».

Мокрые вещи Люк развесил высоко, это было и понятно - там, наверху, лучей солнца больше, и ветерок обдувает, да вот только...

- Ну, чего ты глазеешь! - прошипела Изабелла, злясь, как кошка, которой наступили на хвост.

- Очень хочется посмотреть, как ты полезешь наверх, - весело ответил Люк. - Голышом. За своими штанами. Ты ведь самостоятельная, взрослая, и в моей помощи не нуждаешься! Что, слабо залезть на дерево?

- Мне не слабо, только...

- Только что? Боишься коленки об сучки ободрать?

- Болван, я же голая! Как я полезу?!

- Так это даже плюс. Тебе ничто не будет мешать. И вид снизу будет... очень интересный.

- Похотливый мерзавец!

- Я похотливый?! А кто вчера, забравшись под одеяло, настаивал «держи меня за грудь»?!

- Вранье! Какое отвратительное вранье!

- О нет, дорогуша! И я легко могу это доказать! Твоя грудь... вот такая!

И Люк сложил ладонь лодочкой, демонстрируя размер.

- Так ты вернешь мне штаны?! - вспылила Изабелла, топнув ногой.

- У меня, - с загадочным видом волшебника ответил Люк, - для тебя есть кое-что получше! Я нашел тут, среди постельного белья и прочих тряпок.

И он с видом фокусника продемонстрировал девушке старое-старое, линялое-прелинялое платье, бывшее когда-то, наверное, алым, но от времени и стирок поблекшее до неуверенного розового цвета.

Изабелла тотчас его узнала.

В нем она ходила к пруду, носила воду, чтоб полить подрастающие дубки.

И в нем же ползала на коленях по могиле, вырывая выросшие некстати колючие сорняки.

- Ваш наряд, принцесса! - загадочно играя бровями, произнес он, потрясая этой жуткой тряпкой у нее перед носом. - Тебе будет очень, очень к лицу! Смотри, какие веселые бантики на рукавах! Ну, надевай скорее, не терпится на тебя полюбоваться!

- Не называй меня принцессой, подлец! - зарычала от ярости Изабелла, вырвав у него из рук платье. - О-о-о, ненавижу все эти оборки, рюшечки! А мне в этом придется показаться людям на глаза! Отличное продолжение праздника!..

- Но тебе так идет! - притворно вздохнул Люк. Искры смеха сделали его глаза похожими на переливающиеся топазы. - А вот туфельки. Смотри, какие изящные, - и он протянул ей растоптанные, разошедшиеся калоши.

- Прекрати издеваться надо мной!

- Издеваться? Чего ты ругаешься, ты благодарить меня должна. Одежда еще не высохла, сапоги так точно мокрехоньки. Я с утра позаботился о тебе, отыскал одежду. Конечно, не писк моды, но что есть... А ты и слова ласкового мне в благодарность не скажешь?

- Спасибо! - ядовито бросила Изабелла, выхватив у него из рук и обувь.

- Так-то лучше. Белку свою заберешь или мне оставишь?

- Какую белку? - удивилась Изабелла. - Не было у меня никакой белки.

- Странно. Ты велела мне ее держать крепче и не потерять, - Люк почесал лохматую макушку. - Вон же она.

И он указал на стол, на котором были остатки вчерашнего пиршества.

- Что? - удивленно пожал он плечами. - Собрал в корзинку то, что удалось отнять у гномов. Вот именинный пирог, вот отличный салат, а это, кажется, пунш...

Посередине этого великолепия и лежала белка, неподвижно, словно мертвая.

- Это, должно быть, чучело, - произнесла Изабелла, критически оглядывая грызуна. - Откуда оно у меня?

- Гномы могли подарить, - ответил Люк. - Ко дню рождения. Они, знаешь, прижимисты. Всемером скинулись и раздобыли... это. Но все же традиции чтут. Без подарка на праздник как-то неприлично...

Белка лежала мордой в салате и вид имела непрезентабельный. Ее словно побил моль, а ее сверху полили чем-то сладким и липким.

- Да уж, - мрачно сказала Изабелла. - Гномы могли бы и нож хороший подарить. А это... Подарок блеск! Всю жизнь о таком мечтала!

- Вчера он тебе нравился, - поддразнил Люк. - Ты обнимала эту белку как родную. Может, на полку дома поставишь?

- Вчера был другой день! - ответила девушка сердито. - Ну, ты выколупаешь этого зверя из моего куска пирога? Хотелось бы позавтракать, а беличий хвост - слишком экзотичное украшение.

- Слишком много приказов от не-принцессы, - с веселым смешком ответил Люк. - Ты ведешь себя, как избалованная графинька. Не знал, что в этом лесу такие капризные разбойницы.

Изабелла снова прикусила язык.

«Ох, что-то я действительно раскомандовалась, - подумала она. - А садовник-то не дурак! Как бы не вычислил меня и не наябедничал отцу!»

- Гномы, - веско ответила девушка, - вчера были воспитаны, учтивы и исполняли все мои приказы и пожелания. Я и подумала, что хоть ты и садовник, но ни в чем им не уступишь, поэтому...

- Ладно, ладно, - покладисто согласился Люк. - Так что я должен сделать с твоим подарком? Похоронить под самым роскошным кустом?

- Да, и поскорее, пожалуйста, - передернула плечами Изабелла. - Эта белка настрадалась достаточно. Смотри, ей кто-то загривок вареньем намазал. И между глаз и ушей масло сливочное втер. Наверняка ложкой.

- Прощальную эпитафию?

- Пожалуй, - сухо ответила Изабелла.

- Что ж, славный грызун, - произнес молодой человек печально. - Ты был весел и красив, скакал по дубам этого леса, пока гномьи волосатые пальцы не свернули твою шейку и не надругались над твоим бездыханным телом, замочив его в вине. Теперь все позади, покойся же с миром, милый зверь. Мы никому не расскажем о твоём нелепом конце.

И Люк двумя пальцами потянул белку за растрепанный хвост, желая снять ее с продуктов. Но она внезапно шевельнулась, не открывая глаз, вцепилась обеими передними лапами в тарелку с подвявшим салатом и завопила энергичным хамоватым голосом:

- Э, э, э! А ну, р-р-руки убрал, на место положи!.. П-ложи, кому говорю! А то укушу! У меня в кармане блохи, они чуму разносят!

От неожиданности Люк отшвырнул белку обратно, в листья салата, и нервно вытер руку о свой фартук. Изабелла оглушительно взвизгнула, отпрыгнув от стола, на котором ворочалась восставшее чучело белки.

Меж тем грызун, с трудом продрав опухшие глаза, сладко причмокивая спросонья и почесывая задней лапой подмышку, уселся на окорока и завил хвост кокетливым колечком.

- Возмутительно, - сказал нахальный зверь хриплым с похмелья голосом, переводя взгляд мутных глаз с Люка на Изабеллу. - Молодежь! О, времена, о нравы! Я приличная дама. А вы оба не одеты. Как не стыдно!

Белка презрительно задрала рыльце вверх, фыркнула, сдувая с усов увядший укроп, и закатила глаза.

В памяти Изабеллы тотчас возник призрак вчерашнего вечера, гномы, в семь луженых глоток вопящие «пей, пей, пей!», и еще один, восьмой, тонкий и нахальный голос заводилы и провокатора, подвывающий им «давай, наливай!».

- Так это ты была! - воскликнула Изабелла гневно. - Ты нас подбила на спор! Это ты подбила гномов выкатить эту бочку!

Белка и усом не повела.

- Я тут не причем, - заявила она ангельским голоском. - Я не виновата. Просто хотелось попробовать «Прохлады леса», настоящей на самых сладких желудях. Это вино так хвалили... грех было не воспользоваться подвернувшимся шансом, тем более, что под рукой было целых семь гномьих лопат.

- Лучшее вино Королевского Лесничего? - расхохотался Люк. - Вы с ума сошли? Вы ограбили его погреб?!

- Он добрый, - ответила белка нахально. - Он простит. Потом.

Она вызывающе цыкнула зубом и выпучила наглые глаза.

- Гномов, - уничтожающе произнесла Изабелла, - я приглашала на свой день рождения, а тебя, вообще-то, нет!

— Вообще-то да! Благодаря мне, - уничтожающим тоном ответила белка, - праздник вчера удался. Если б не я, - она кокетливо взбила шерсть на груди, пытаясь придать себе соблазнительные округлые формы, - ты бы так и сидела и рыдала в чаше.

- Ты рыдала? - поразился Люк. - Не ожидал от тебя такого. То есть, прости... Тебя кто-то обидел?

Изабелла, уличенная в такой постыдной слабости, сердито надулась. Белка-ябеда с жаром закивала головой:

– Плакала, плакала. Хлюпала носом, что ее не понимает ни одна живая душа. Жаловалась, что злая мачеха заставляет ее заниматься бессмысленной ерундой, крупу там перебирать или золу, наверняка из вредности, и мечтает выжить из дому.

– Так ты бедная сиротка? – жалостливо произнес Люк. – Тебя мачеха обижает? Теперь понятно, почему ты подалась в разбойницы.

– А еще, – таинственным голосом произнесла белка, возбужденно блестя хитрыми глазами, – она сказала, что ей никто, совершенно никто не подарил подарка! И я решила все исправить и подбодрить ее. Я же добрая. В подарок я ей принесла самые красивые желуди, какие смогла отыскать, в лесу нашла подходящую компанию – веселых гномов, и организовала вечеринку. Ну, не молодец ли я?

И вдруг, без предупреждения и без перехода, завопила:

– Негодяи, болваны, что же вы сделали?! Мои меха, мои прекрасные меха! Они испорчены! Они испачканы! Оплатите химчистку, или за себя не отвечаю!

Ее маленькие лапки трагично, как павшего в бою родственника, сжимали хвост, намазанный вареньем, на морде был запечатлен невероятной глубины трагизм.

Но на беличьи завывания никто внимания не обратил. Главным образом оттого, что ее слова воскресили в памяти Изабеллы ее вчерашние слезы, и она готова была разрыдаться снова.

– Сердца у тебя нет! – выкрикнул Люк, ткнув пальцем в беличью грудь и глядя, как дрожат губы Изабеллы. – Ну, зачем напомнила? Смотри – она сейчас расплечется. Что ж это за настроение для именинницы!

Белка изумленно глянула на Изабеллу, нахохлившуюся под одеялом, и нижняя беличья губка горько затряслась.

Кто-то иной был центром внимания, не она; чьи-то чужие переживания были важнее, не ее. И этого эгоистичный зверь перенести не мог.

– Да я же как лучше хотела, – горько и отчаянно прошептала она, трагично ударив себя лапкой в грудь. – Я же не для себя старалась!

Ее маленькие опухшие глазки тотчас наполнились слезами, белка деловито уселась на зад, деловито прокашлялась в кулачок, расправила усы, растопырила задние лапы и заревела.

– А-а-а-а! – самозабвенно и громко орала она, сложив передние лапы на выпуклом животике и раскрыв зубастую пасть.

Люк, мельком глянув на нее, ухватил с тарелки с салатом крохотную сладкую помидорку черри и воткнул ее в разверзнутую беличью пасть.

– Ом-ном-ном! – продолжала причитать белка. Ни единой слезы не выкатилось из ее крепко зажмуренных глаз, на морде выписалась неземное блаженство, но плач ее был горький и безутешный.

Стало совсем немного тише, искусственные рыдания прерывались смачным чавканьем. Но так было гораздо лучше.

– Только не реви! – сказал Люк, привлекая к себе Изабеллу, обнимая ее и поглаживая по голове. – Это ведь такая мелочь! Зато ты вчера славно повеселилась с гномами, фейерверки, что они пускали, наверное, были видна на весь лес, а такое запомнится надолго и дорогого стоит!

Изабелла шмыгнула носом, припала на широкую грудь Люка – в конце концов, для того эта грудь и была создана! – и обхватила его руками за шею, выплакивая свое горе.

Нет, конечно, все было не так уж ужасно.

Разумеется, она получила подарки.

От отца чудесного охотничьего щенка, который в данный момент наверняка сладко спал в корзинке дома.

От мачехи - подборку гламурных журналов: «Желанная невеста средневековья: современно, модно, престижно», «Как вскружить голову принцу?», «Брак с аристократом: все «за» и «против» и красивую коробку с очередным ненавистным платьем.

Мачеха была женщиной молодящейся, эффектной, любила атлас и яркие цвета. Даже не заглядывая в коробку, можно было угадать, что подарок ее ярко-лимонного цвета, или же изумрудно-зеленого, по последнему писку моды.

Если б это платье надела сама мачеха, мадам Юфимия, оно было бы ей к лицу. Изабелла же ощущала себя в нем словно попугай.

Сестры, Анна и Тереза, презентовали ей прелестную шкатулочку с кучей дамских милых вещичек. Пудры, духи в хрустальных пузырьках, помады и румяна.

И если в доброту мадам Юфимии можно было поверить, она действительно поступала всякий раз из добрых побуждений, то сводные сестры расщедрились потому, что для своей прогулочной коляски они выпросили у отца и матери лошадь, на которую Изабелла здорово рассчитывала.

Горячий вороной скакун с неутомимыми длинными ногами и огненными ноздрями. Усмирить его было целой историей. Он бил копытами, храпел, косил дикими глазами, прежде чем покориться.

Изабелла мечтала, как оседлает его, как промчится по подлеску, по сухой, прошлогодней листве, как будет преследовать верхом дичь...

Но Анна и Тереза, известные модницы, хотели его себе. Вот позарез им хотелось запрячь этого жеребца в свою коляску, на которой они планировали отправиться на ежегодный бал невест в королевский дворец!

Поэтому они ныли, рыдали, скулили, отказывались от обедов и завтраков, и в конце концов вынесли мозг и матери, и отчиму, отцу Изабеллы. И тем пришлось уступить.

Так что вожака скакуна Изабелла обнаружила пахнущего духами, с коротко постриженным хвостом и аккуратной челочкой, с бантиками всюду, где их только возможно прицепить.

Похоже, и сам конь был шокирован количеством розовых рюшечек на себе, а потому стоял тихо-тихо, изредка собирая глаза в кучу, чтобы оценить свою новую стрижку.

Довольные сестры, запершись, хихикали у себя в комнате.

- Ты себе не представляешь, - горько хлюпала носом девушка, рисуя пальцем на его груди таинственные загогулины, - как это горько, когда не получаешь того, что так хотелось!

- Жизнь ужасно несправедлива, - заметил Люк. - Ты думаешь, мне всегда удастся получить то, что хочется? Вовсе нет!

- Тебе хоть журналы не дарят "Невеста аристократа", - пробубнила Изабелла.

- А чем плох журнал, - усмехнулся Люк. - По-моему, все девушки хотят замуж. И, желательно, удачно.

- А я не хочу, - прогудела Изабелла, доверчиво прижимаясь мокрой щекой к Люку.

- Что, совсем? - усмехнулся Люк.

- Ах, что ты понимаешь! - всхлипнула Изабелла. - Ты, конечно, садовник, и работа у тебя, наверное, тяжелая, но тебя никто не пытается продать завидной невесте, как породистую корову, подороже. А меня вечно сватают за каких-то невнятных мальчиков с розовыми щечками, с кудрявыми чубчиками и в узких штанишках по последней моде.. С ними и поговорить не о чем. Они меня боятся, словно я бешеный волк. То краснеют, то бледнеют, а потом заводят разговор о погоде.

- Это наверняка приличные молодые люди, с серьезными намерениями. Они пытаются завести вежливый разговор, чтоб не ударить в грязь лицом.

- Думаешь, сесть нарядной задницей в лужу лучше? - мрачно произнесла Изабелла. - А теперь еще и это. Осталась я без подарка.

И она снова захныкала.

- Ну, что ты, - ворковал добрый Люк, отчего-то нервно вздрагивая. Голос его охрип, рука, обнимающая Изабеллу за плечи, сжалась крепче. - Подумаешь, подарки! Хочешь, я тебе подарю!..

Что садовник может подарить разбойнице, осталось тайной, потому что одеяло как-то неожиданно скатилось с девушки и Изабелла ощутила ладонь Люка на своей заднице.

На своей абсолютно голой заднице.

А еще, увлеченная своими переживаниями, она, оказывается, водила пальцем Люку по острому и жесткому соску, катая его, как горошинку, подушечкой пальца.

И, в довершение всех бед, под нарядными орешками на фартуке у Люка обнаружилась какая-то жесткая продолговатая опухоль.

А сам Люк дышал тяжело и шумно, осторожно стискивая свою руку на ягодицы обомлевшей Изабеллы.

– Я фсе вифу-у, проказники! – прошепелявила радостно белка, чей рот был набит помидором.

Глава 2. Не-джентльмены целуются восхитительно

Опухоль Люка все прогрессировала под нарядным фартуком, и Изабелла испытывала острое желание удрать сию же минуту, даже пусть и голышом, лишь бы опухоль не вырвалась на свободу и не наделала того, для чего она была предназначена.

– Я, конечно, не самый приличный молодой человек, – хрипло произнес Люк, – и, скорее, даже наоборот. Я не окончил ни одной закрытой спецшколы, где учат красиво ухаживать за девушками. Но, может, ты согласишься выйти за меня?..

– Что, – выдохнула Изабелла, крепко прижатая к Люку. – Прямо сейчас?.. Но я не готова...

– Ты сразу понравилась мне, юная разбойница, – удивительно нежно и даже немного застенчиво произнес Люк. – Когда я увидел тебя, ты была ужасно милая и такая грустная. И совершенно невинная и прекрасная для разбойницы. Ты как роза – много зелени и шипов, но под этими шипами кроется чудесный цветок.

Вместе с этими романтичными словами Люк так хитро поглаживал спину девушки, так деликатно и ласково касался ее кожи, что Изабелла вдруг перестала его бояться. В изумлении она смотрела в красивые голубые глаза отважного садовника, делающего предложение девице, которую он видел первый раз в жизни, и даже не знал, как ее зовут.

"Ай да садовник! – в изумлении подумала Изабелла, ощущая, как его ладони аккуратно и мягко поглаживают ее ягодицы, касаясь там, где ее прежде касались лишь руки матери, и то затем, чтобы посыпать присыпкой ее младенческую попу. – Многим бы молодым людям поучиться у него отваге и решительности! Вот это я понимаю – мужчина! Не стал бродить вокруг да около, не стал пудрить лицо и парик, не стал вести бесполезных разговоров о погоде, а сразу объяснил, чего ему надо. И даже не покраснел и не стал заикаться! "

– Я! Фсе! Вифу! – замогильным голосом злобного призрака сказала белка, с хрустом поедая листья салата. Особенно сладки и вкусны были сочно хрупающие жилки на салатных листьях. Их белка разгрызла со звуком быстро работающей пилы. – И то, фто я вифу, нафыфается разврат!

Люк нетерпеливо рыкнул и выпустил изумленную Изабеллу из рук. В мгновение ока он оказался около стола, ухватил нахальную белку за шиворот и потащил ее к окну.

– Э, э, э! – запротестовала белка, крутясь в его руке, как марионетка. – П-ложь на место, кому сказала! Не смей! Не думай даже! Нет!!!

Но Люк с треском раскрыл ставни маленького окошка и вышвырнул белку на свободу.

– А-а-а-а! – стихло внизу, и Люк окно закрыл.

А затем вернулся к Изабелле, и его бессовестные руки коснулись ее, обнимая мягкие груди, поглаживая остренькие темные соски.

– Так что скажешь? Мы были бы отличной парой. Маленькая отважная и веселая девчонка и я.

– Но мачеха говорит, – растерянно пискнула Изабелла, в чьей голове мысли и чувства перемешались в настоящем цунами, – что выходить замуж надо по огромной любви! А еще за мужчину, который сможет содержать семью!

– Я смогу, – заверил ее Люк. – Я бы построил тебе домик где-нибудь здесь, на берегу озера, с каменным подвалом, чтобы в него не могли забраться гномы. Мы жили бы тихо, просто и счастливо. Что скажешь?

Изабелла была потрясена настолько, что и слова не могла вымолвить.

– Это, конечно, очень заманчиво, – пробормотала она, – и ты, конечно, замечательный юноша, но я же тебя не знаю! А ты мне предлагаешь провести вместе целую жизнь!

– А, так ты не из тех легкомысленных девиц, что бегут разводиться через пару лет совместной жизни? Думаешь, что брак – это навсегда? Так тем лучше! Ты нравишься мне все больше, маленькая разбойница! Я готов стать твоим навеки!

"Отказала пяти баронам, - подумала Изабелла в ужасе, - опозорила одного маркиза, одному графу и паре мелких виконтов подстроила ловушки, но пойду замуж за садовника?!? Что скажет отец! Он точно отдаст меня в монастырь на перевоспитание!"

Где-то за окном гнусно бранилась белка, плечом пытаясь высадить стекло и угрожая Люку всяческими карами небесными за то, то он не дал ей посмотреть, чем все кончится.

Руки Люка обнимали и поглаживали Изабеллу так, что девушке становилось жарко, намного жарче, чем от лучей солнца, омывших ее тело полностью.

Не дождавшись ответа, Люк мягко обхватил ее, откинул ее голову себе на плечо и осторожно коснулся губами ее губ

В голове Изабеллы словно молния взорвалась. Сердце ее забилося в груди сильнее пленного щегла в металлической клетке.

"Эй, это не по правилам! Ведь это... Мой первый поцелуй с молодым человеком! – промелькнуло в ее голове. – Он должен быть романтичным, прекрасным, и запомниться на всю жизнь! Что там пишут в "Невесте аристократа"?!"

Да, да, в этот миг Изабелла вынуждена была признаться самой себе, что немного почитала подаренный мачехой журнал. Полистала из любопытства. Совсем немного. Журнал был не особо толстый, и Изабелла пролиستала страниц... Пятьдесят. Всего-то.

"Если вы догадываетесь по ряду косвенных признаков, – всплыло в ее памяти наиздавание из журнала, – что молодой джентльмен намеревается вас поцеловать, нужно сделать следующее: слегка вытянуть губы, сложив их бантиком, и чуть податься вперед. Ваша готовность придаст смелости молодому человеку, и он наградит вас незабываемым романтическим ощущением! "

На картинке под статей была изображена пара с вытянутыми в дудку губами, осторожно прильнувшая этими самыми дудками друг к другу.

Изабелла тщательно сложила губки уточкой, закрыла глаза и потянулась к Люку.

Но он почему-то проигнорировал рекомендации журнала. Он слегка сжал подбородок девушки, отчего ее тщательная "уточка" раскрылась, и его коварный язык скользнул вглубь ее рта.

"Вот об этом ничего в журнале написано не было! - в панике думала она, чувствуя, как язык нахального садовника ласкает ее губы, ее рот, и делает это так приятно, что все советы премудрого журнала пропадают из ее головы. – Почему так?! Вечно теория расходится с практикой! Что он творит такое? Разве так нужно?! А, да. Он же не джентльмен, откуда ему знать, как надо. Журналов наверняка не читает. Но, боже мой, как это восхитительно!"

Губы Люка мягко прихватили ее язык, посасывая.

Это было так неожиданно, так странно и непривычно, что девушка вскрикнула и уперлась руками в грудь нахального садовника, желая освободиться.

Но он притянул ее ближе, мягко прихватил губами ее нижнюю губу вместе с языком, и Изабелла почувствовала, как дрожат ее ноги.

"Этого только не хватало! – в панике думала она, ощутив под спиной прохладную постель. - Что мы творим, караул! Мамочки!"

Люк приподнялся над испуганной девушкой на вытянутых руках, и сердечко Изабеллы ухнуло вниз.

Люк улыбался.

Своей озорной, ослепительно-прекрасной улыбкой, и на щеках его играли обаятельные ямочки. Солнце пронизывало лучами его золотые волосы, бликами играло на его загорелой

коже, на крепких плечах, и Изабелле подумалось, что ничего прекраснее она в своей жизни не видела.

- Только обещай, - произнесла она, сама не зная почему, - что не станешь разгуливать в чужих садах без штанов. Я этого не потерплю!

Люк рассмеялся, опустил, прижался к Изабелле и шепнул:

- Обещаю!

В голове у девушки царил хаос. Мысли метались, как люди на пожаре, и Изабелла в панике подумала: «Я что, сказала «да»?! Я ему ответила «да»?! То есть, стащи с меня одежду тот графчик, и я ему тоже сказала бы "да"?! А это считается, или "да", сказанное без одежды, приравнивается к пыткам и шантажу?! " "

Однако, времени на то, чтобы размышлять, у нее не было совсем. Люк поцеловал ее - и все панические мысли исчезли, растворились, словно туман под солнцем.

Ощущая на себе теплое мужское тело, Изабелла вдруг отчетливо поняла, что все платья из канареечно-лимонного атласа и журналы мачехи - это не настоящее, это обертка, игра, и потому гламурные советы для девиц в них игрушечные.

Как для кукол.

А вот то, что сейчас происходит - это реальное.

Обнаженные тела, прижатые друг к другу, прикосновения к самым чувствительным и интимным местам, замирающее сердце и обжигающее удовольствие - это настоящее.

Тепло и ласковые прикосновения, поцелуи, расходящиеся с теорией, но такие сладкие, будто солнце насквозь пронизывало ее тело, и море качало на шелковых волнах.

Люк целовал и целовал ее, бесконечно долго и непередаваемо сладко, чуть посмеиваясь. Тогда Изабелла чувствовала на своих губах его дыхание и запах цветущих летних трав.

Люк понимал, что эти поцелуи - первые в жизни маленькой разбойницы. Он как-то сразу это понял, по ее неумелым прикосновениям, по тому, как она замерла, пробуя на вкус эту интимную ласку, по тому, как она не знала, как ответить, и по тому, как оглушительно билось ее сердце под его ладонью. Оглушительно и в совершенном восторге.

- Ой-ой! - вскрикнула Изабелла, когда вдруг обнаружила, что крепкая ладонь Люка лежит между ее ног. И от этого кажется, что все тело ее воспламеняется.

- Это ещё не ой-ой, - передразнил Люк, но было совсем не обидно. - Не бойся; ты сейчас похожа на перепуганного зверька.

Он склонился к ее груди и поцеловал острый сосок, взял его губами, коснулся языком так откровенно и полно, что Изабелла задохнулась от горячей крови, прилившей к ее щекам.

В руках коварного садовника она ощутила себя маленькой и глупой, чего давненько с ней не случалось, а его - ужасно взрослым, опытным.

Люк совершенно точно был совсем другой, не то, что прочие женихи. Он уже не интересовался нарядами и танцами, и неловкие, неумелые знакомства тоже были не для него.

"Люк взрослый, - почему-то подумала Изабелла угрюмо, млея, чувствуя поглаживания меж своих подрагивающих ног и нескончаемые поцелуи на своей груди. - Его не заманишь модным попугаевым платьем. Так, а чем же его я привлекла?!"

От касаний его ладони Изабелла испуганно вскрикивала и то и дело порывалась стиснуть ноги. Рука Люка останавливалась, сжатая ее бедрами, но тогда его губы принимались целовать ее соски, да так, что девушка начинала извиваться, цапая руками простыни, чувствуя, как язык коварного садовника вдавливают сосок в мякоть ее груди. И от этого тяжелое, мягкое томление разливалось по ее телу. Изабелла подавалась вперед, трепеща, балансируя на грани удовольствия и жажда чего-то еще, чего-то сильного, ослепительного.

Тогда Люк целовал ее всю, оставляя цепочку мягких, влажных касаний губами по всему ее телу. Целовал ее подрагивающий животик, жадно хватал его губами и затем осторожно касался там, где лежала его ладонь.

Девушка даже ощутила, как он прихватил губами чувствительный краешек лепестка, скрывающий ее женское естество, и лизнул там.

От этих поцелуев Изабелле точно становилось не по себе.

Она ахала, постанывала, стараясь хоть как-то привыкнуть к новым для нее ощущениям, но тут снова начинала двигаться рука Люка, поглаживающая мокренькое и горячее местечко меж ее ног, и по телу девушки крупными волнами прокатывала дрожь.

Изабелла почти вскрикивала.

Пальцы коварного садовника раскрыли ее лоно, словно отогнули влажные розовые лепестки. Люк отыскал какое-то местечко, от касания к которому Изабеллу словно пронзило огнем.

Она выкрикнула, и этот крик Люк выпил из ее груди, снова целуя ее острые соски все горячее.

Его пальцы двигались неспешно, массируя найденное чувствительное место, и Изабелла каждый раз вскрикивала, стоило Люку совсем немного нажать сильнее.

Ее бедра раскрылись перед ним, перед его лаской, сами. Изабелла со стонами, втягивая воздух нетерпеливыми вздохами меж стиснутых зубов, сама ласкалась о его пальцы, сжатые в щепоть.

"Я ужасна!" - в панике подумала она, поняв, что воет, когда его пальцы коснулись того места, которое было мокро и горело, томило, невыносимо жгло желанием.

– Постой, – пискнула она стыдливо, чувствуя, как Люк опускается на нее, а та самая опухоль прижимается к ее телу, прямо между разведённых ног. – Там почему-то мокро... Ой, так неудобно вышло!

Она готова была удрать, вскочить и бежать, куда глаза глядят.

Но Люк взял ее руку и положил ее туда.

На свою опухоль.

– Мокро - так и надо, – чуть хрипло произнес он, сжимая ее пальцы на чем-то горячем, влажном и упругом. Изабелла лишь на миг отважилась глянуть туда, и снова со стоном отвернулась и крепко зажмурилась. Смущение и стыд не давали ей и слова сказать.

Под своими пальцами она увидела его член, крепкий, вставший член, крупную яркую головку, капающую светлой смазкой.

Член чуть коснулся ее живота, оставив влажное пятнышко на полыхающей коже, и Изабелла почувствовала, как Люк под ее руками тоже дрожит, изнемогая от желания.

– Лесная разбойница, – хрипло произнес он, прижимаясь к ней горячим, возбужденным телом, – ты такая невинная и свежая...

"Только давай без твоих садовничьих аллегорий! – подумала Изабелла. – Я знаю, ты и куче навоза можешь найти плюс!"

Однако, следующее его действие снова заставило все ее мысли разбежаться в панике.

Люк как-то незаметно устроился между ее ног, удобно там расположился.

Его член скользнул по ее лону, по припухшим розовым лепесткам, по влажной чувствительной мякоти ее тела, и она ахнула, ощущая, как ее горящее желанием тело ласкает его упругая и крепкая плоть.

Движения Люка были неспешными, головка члена чувствительно давила на лоно Изабеллы, а потом скользила вверх, до горячей желанием точки.

Изабелла ахала, но Люк тотчас целовавывал ее испуганные вздохи с ее губ, и горячая игра продолжалась опять.

В окно постучали сапогом.

Это белка стащила их вещи с веток и накидала вокруг дерева, а сапог притащила, чтоб разбить стекло и внимательнее посмотреть, что там происходит.

Она строила издевательские рожи, прижималась к стеклу мордой, плюща нос, и в ее лапах что-то поблескивало.

"Золота у меня с собой не было, – мелькнуло в голове у Изабеллы. – Значит, это Люка. Заработанное сперла у него из кармана, шерстяная пройдоха!"

- А фто у меня есть! - шепелявила белка зловеще, словно самое злобное привидение из всех существующих. - Фто я тут вифу!

Кажется, падение причинило неугомонному зверю некий ущерб, вылетел зуб. Впрочем, белка шепелявила и до падения из окна, так что, вероятно, Люк тут был не причем.

- Дамочка! - шепелявила белка дальше. - Я фифу дамоцку! Ты гля, какая!..

Эти слова белка зловеще шепелявила, покачивая у стекла золотым медальоном, маленьким и простым, висящим на длинной золотой цепочке.

В такие медальоны обычно вставляют милые сердцу портреты или хранят там прядку волос. Видимо, и Люк исключением не был; его медальон тоже был сокровенным хранилищем. И значил для него очень много.

Изабелла едва успела подумать, что эта тонкая золотая цепочка очень красиво смотрелась бы на загорелой коже Люка, как того словно взрывом подбросило.

- А ну, отдай! - грозно проорал он, ринувшись к окну.

В полной боевой готовности, как грозный рыцарь с копьем наперевес.

Копье торчало из-за кокетливо сдвинутого фартука с орешками.

- Изменщик! - зловеще верещала белка за окном, пылая праведным гневом и скача на жирных окорочках. - Бабник! Аферифт! У нефо друфая, фифа в красивых бусикаф, а он с разбойнифией упражняется! Сексуальный маньяк! Беги, беги Белла! Я ефо задерфу!

И белка, потрясая медальоном, скрылась из виду.

- Блохастая воровка! Верни сейчас же! - яростно проорал Люк и выскочил из домика вон. С копьем наперевес.

Изабелла, очумевшая от такого поворота событий, уселась на постели и некоторое время сидела, потрясенная всем тем, что произошло.

- Это какой-то очень странный день рождения, - произнесла потрясенная Изабелла вслух, прислушиваясь, как где-то вдалеке Люк, сверкая свой идеальной задницей, кроет почем зря белку, бегая за ней по лесу.

Пирушка с гномами, дружба со странной белкой, ночь, проведенная с Люком, первый поцелуй - который, к слову, был совсем неплох, - и почти что свершившийся акт любви!.. И после всего этого, промелькнувшего быстро, пестро, ярко, как праздничный карнавал, зловещие слова белки.

«У него другая!»

- Ну, все верно, - упавшим голосом произнесла Изабелла, чувствуя, как слезы снова просятся пролиться. - Он слишком красивый и слишком взрослый, чтобы у него не было девушки! Да и его умения... не на кошках же он тренировался целоваться. Наверняка перецеловал целую кучу девиц. И всем улыбался.

Мысль о том, как Люк целует другую, как склоняется над другой девушкой со своей ослепительной улыбкой, промелькнула в мозгу Изабеллы очень ярко, и от этого стало по-настоящему больно.

Это было очень горько.

Изабелла вдруг поняла, что даже за стол краткий период знакомства красавец садовник ей все же ужасно понравился.

Он не был похож на ее прежних ухажеров, не был разодет по последнему писку моды (да и вообще, кто там знает, как он вообще одевается?), он не хвастался блестящими пряжками на новых туфлях и не вел светских разговоров.

Но с ним было ужасно просто и легко.

Он не требовал от нее манер и скромно опущенных глазок, не спрашивал, умеет ли она варить варенье, не просил исполнить ему песенку и не ждал всего того, что обычно демонстрируют хорошо воспитанные, словно дрессированные пудели в цирке, девушки.

Люк принял ее такой, какой Изабелла была на самом деле.

Да и, несмотря на то, что он назвался простым садовником, он не выглядел неотесанной деревенщиной. Держался он свободно, раскованно, но с достоинством, не то, что эти, которые хотели произвести впечатление своим воспитанием. Улыбался искренне и так светло, что Изабелла забывала, как ее зовут.

И было в нем что-то этакое, что казалось Изабелле настоящим, и от чего теперь ей приходилось отказываться с большим сожалением.

- Я же не дура, - произнесла она горько, натягивая ненавистное уродливое платье и напяливая неповоротливые калоши. - Если он такой коварный изменщик, если у него красивая девушка, и он ее портрет носит в медальоне, и все равно ей изменяет, то таким он останется навсегда! И даже если заставить его выбирать... даже если он выберет меня, то кто поручится, что он не найдет себе другую разбойницу в лесу? Вот же коварный садовник! Надо же, как хорошо устроился! Вроде, как стрижет вашу изгородь, а потом раз! Сбросил рубашечку, поиграл мускулатурой, поулыбался, и хозяйка особнячка не устояла... Да и хотела б я посмотреть на ту, что устояла! Разве что слепая старушка в инвалидном кресле не подскочит и не побежит за ним вприпрыжку! Интересно, сколько цветов опылил этот похотливый садовод?!

Изабелла в последний раз шмыгнула носом, оплакивая свою несостоявшуюся любовь, и стащила с кровати простыню. Неугомонная белка скинула с дерева все вещи, не просохшие за ночь, тяжелые и влажные. Изабелла спешно собрала их, отыскала в траве и свой пояс с ножом, и сапоги, и увязала все это в узел.

Отыскав старую лопату, на черенок ее повесила свой узелок и поспешила покинуть сторожку, где так странно началось ее утро.

Белка цокала где-то далеко, Люк сыпал проклятиями все тише, Изабелла все дальше уходила в лес, шлепая калошами, и печаль в ее сердце постепенно таяла.

Едва Изабелла миновала молодую дубовую рощицу, как ее догнала неугомонная белка. Шепелявя себе под нос песенку, она бодро соскочила с дерева на лопату, лежащую на плече Изабеллы, и с комфортом устроилась на узелке девушки.

Изабелла с неудовольствием покосилась на нее.

- А тебе чего надо? - сказала она неприветливо.

- Сердифся, что ли? - беспечно сказал нахальный зверь, ковыряя в зубах тонкой палочкой. - Тю! Я ф тебя спафла от этого проходимца. Он хотел вофпользофаться тобой, пока ты раффлабилась, я видела. Они фсе-е-е-е так делают, стоит утратить бдительнофть хоть на миг! Хоть капельку пропусти, вот такой вот ма-а-аленький фтаканчик - проснефься уфе беременной! Поверь мне, милофка, - белка зло сощурила глазки и презрительно цыкнула. - Череф мефяфок (месяцок) ты бы лефала в гнезде без сил, раскинув лапы, а на тебе грофьями бы висели бельфята, по одной штуке на кафдом мефте, ф которое он тебя пофеловал! И они бы тебя не феловали, нет! Они бы фрали (жрали) тебя! Тянули все соки! - рыкнула белка голосом заправского злодея, потрясая сжатым кулачком. - Пили бы тфое молоко и тфою кроффы! Так фто я спафла твою честь, юнофть и сфободу! Можешь не благодарить!

Палка, наконец, подцепила нечто, застрявшее во рту белки, кусок еды со свистом вылетел, и она с облегчением прокашлялась, уморительно шевеля носом.

- Ненавижу эти дубовые орехи, - ругнулась белка. - Вечно они застревают в зубах. Так о чем мы говорили?

- Ты рассказывала о том, как напилась и забеременела неизвестно от кого, - съязвила Изабелла. Белка оцетинила усы.

- Не было такого! - заголосила она яростно. - Не было! Я приличная дама! Мадам Вильгельмина Герхен-Дармоядская! Я знаю, что такое прилично себя вести в обществе и умею держать себя в лапах!

- Ну да, конечно, - усмехнулась Изабелла. - Но за Люка спасибо. Это действительно было кстати.

- Вот, - обрадовалась белка. - А я что говорю?!

- Ну, а за мной ты зачем увязалась? - так же ворчливо поинтересовалась Изабелла.

- Так мы же с тобой теперь подруги навек! - непосредственно заявила белка. - Ты сама вчера так сказала. Ну, и отблагодарить бы меня за спасение твоей чести было б неплохо. Бокальчик розового игристого с белым шоколадом мне не повредил бы.

Глава 3. Разбойница vs Разбойники

- Подруги! - насмешливо фыркнула Изабелла. - Я не дружу с теми, кто берет чужое.

- Так-так-так! - возмущенно прокричала белка. - Это на что это ты намекаешь?!

- Ты у Люка стащила медальон. Золотой. Это некрасиво.

Возмущенная белка даже фыркнула от незаслуженной обиды.

- Да я же ради тебя! И потом... Как стащила, так и вернула! - заверещала она горячо. -

Вернула я! Он даже на шею его себе повесил! Я ведь белка, а не крыса!

Она стукнула себя в пушистую грудку сжатыми кулачками и снова гневно фыркнула.

- Ну, ладно, если так, - покладисто произнесла Изабелла.

- Так значит, мир? - радостно заверещала белка. - Дружба, совместные посиделки, как девочка с девочкой? И никаких гномов?

- Чего это ты ко мне так настойчиво в друзья набиваешься? - удивилась Изабелла. - Если никаких гномов, то и бочек с вином тоже никаких не будет. Мне нечего больше тебе предложить. А ты, кажется, здорово любишь выпить.

- Вот еще! - возмутилась белка. - Ты за кого меня принимаешь?! Я люблю выпить?! Да только чуть-чуть! Немного игристого, да с конфетой... К тому же, - она сощурила хитрые глазки, - я не думаю, что у дочки Королевского Лесничего не было совсем-совсем ничего! Ни единой бутылочки с пузырящимся сладким винцом... Я же знала, кто ты такая, и что ты не разбойница, я тоже с самого начала знала! Но не сказала твоему Люку ни слова. Сохранила твою тайну! Рот на замок! Разве я не мододец? Разве я не заслужила бокальчик?

Белка зацокала от предвкушения, страстно стиснув у меховой грудки лапы, и облизнулась.

- Ты откуда знаешь? - быстро спросила Изабелла.

- Про что?

- Про то, кто я такая?

- А! - протянула белка легкомысленно. - Так я же не просто так. Я же послана к тебе Феей-Крестной. Она велела тебя отыскать и скорее привести домой. Я ее помощница; и посмотри, как я великодушна и добра! Я на твоей стороне! - доверительно пищала белка. - Я не помчалась ябедничать, - язвительно пропищала она, сощутив хитрый глаз, - что ты с гномами раскопала тайный винный погреб Лесничего...

- Особенно если учесть, что ты и заказала выкатить эту бочку!

- Это недоказуемо, - беспечно ответила белка, обмахнувшись хвостом. - Я не рассказала никому, что ты обжимаешься с этим красавчиком, - она пакостно захихикала, словно кто-то щипал ее за окорочка, - голышом! Я тебе помогаю, я твой ангел хранитель! Разве не нужно нам дружить?

- Скорее, надсмотрщик! - буркнула Изабелла. - Фея тебе велела меня выследить и доставить домой. Ты и расстаралась. И между делом напилась, как следует. Что мне ответить, если спросят, почему мы не прибыли домой еще вчера? Ты ни слова не сказала о поручении Феи. А вот о том, как тебе жарко, и как ты хочешь пить - трещала без умолку.

- Давай так: ты никому не скажешь про бочку, а я - так и быть! - никому постороннему не скажу, кто ты, и помогу тебе справиться с тем, что тебя ожидает, - вкрадчиво ответила белка. - Кстати, ты не забыла? Меня зовут Вильгельмина. Так и называй меня.

- Мина?

- Нет!

- Вига?

- Нет, нет и нет! Только Вильгельмина! - пропищала белка возмущенно. - Я же не просто зверь, я же помощница Феи! Я же за тебя и в огонь, и в воду! А ты меня Миной... Я защитница

и тоже совсем немного фея, - кокетливо пропищала белка. - Я и колдунуть могу, если сильно надо! Хочешь, наколдую, и у красавчика Люка отрастут длинные уши? Или нет! Нос, длиннее чем...

– Ничего не хочу, – грубо оборвала ее Изабелла. – Давай и о нем ты мне напоминать не будешь.

– Тю! Да что такое, – презрительно пропищала белка. – Па-адумаешь, какой-то садовник! К тому же, блудливый.

– Он красивый, – вздохнула Изабелла.

– Да и что?! – презрительно отозвалась белка. – Ты же даже не знаешь, зачем я к тебе послана! А когда узнаешь, ты и думать забудешь об этом рыжем проходимце!

– И зачем же ты ко мне послана? – машинально спросила Изабелла. Глазки у белки заблестели.

– О-о-о-о-о, - таинственно провыла она. – Я пришла к тебе с замечательной новостью. Король собирается женить своего сына, принца! И ты, с твоими сестрами, приглашена на бал! Парадный портрет принца привезли к вам вчера вечером и поставили в вашей классной комнате. Как придешь, можешь на него посмотреть и вдохновиться.

– О, нет, – простонала Изабелла. – О, нет, нет, нет! Только не это!

Белка удивленно замолчала и некоторое время болталась в узелке с вещами молча.

– Да что не так-то? – осторожно спросила она, наконец.

– Кто тебе сказал, – в отчаянии сказала Изабелла, – что я хочу на бал и замуж за принца?!

Белка зацокала, заверещала, от изумления на время забыв человеческую речь.

– Но этого все хотят! – выкрикнула она, кое-как справившись с собой.

– Я не хочу, – сердито огрызнулась Изабелла

– Но принц такой красивый! – в восторге выкрикнула белка, складывая лапки. – Он такая душка! Он белый... И розовый... Как зефир! Ах, точно - зефир! Я-то думаю, что он мне напоминает!

Белка готова была пищать восторженные оды прекрасному принцу еще бесконечно долго, но тут из темного леса прямо на светлую дорожку, ведущую к дому Изабеллы, выступили темные грозные тени, и белка испуганно смолкла.

Прямо перед Изабеллой стояло целых пять громил с преотвратительными злобными рожами, волосатыми могучими ручищами. И у всех на поясах было по топору и по ножу!

– Это кто этот тут ходит по нашему лесу, - противно усмехаясь, пробасил один здоровяк, наступая на оробевшую Изабеллу. – Топчет наши великолепные тропинки и не платит ни гроша за право пройти под этими прекрасными дубами?

Изабелла, озираясь, отступила от нахала, крепче сжимая свою лопату, на которой болтался узелок с ее вещами.

– Это не ваш лес, – дерзко ответила она, – не ваши тропинки и не ваши деревья! А королевские! И вы не вправе собирать налог с путников!

Злодеи разразились разнокалиберным хохотом.

– Не переживай, замарашка! - отсмеявшись, произнес громила. – Король не будет против, если свой налог ты заплатишь нам. А если будет, – он снова хохотнул, радуясь своей глупой шутке, – то пусть поищет нас тут, мы ему передали твои деньги!

И он снова захохотал.

– Ну, что же ты, – тихо, чтоб разбойники не расслышали, произнесла Изабелла, отступая назад еще, – колдони, Вильгельмина! Ты же мой ангел хранитель?

– Я не могу, – пропищала белка убито, – с перепугу колдовство рассосалось!

– Так я и знала, что ты врушка.

– Эй, вы, – заверещала белка, – вы чего пристали? И, главное, к кому? Видите же, нищая девочка идет, ничего у нее нету!

– В узелке чего?

– Последние пожитки! – колотя себя лапами в грудь, орала белка честным голосом. – Вязаная шерстяная кофта в дырках, да зимняя юбка в заплатках! Отнимаете у сиротки последние пожитки?

– А я вижу голенище хорошего сапога, торчащее из узла, – грубо ответил разбойник. – А ну, пусть-ка твоя нищенка покажет, что там за заплатки в ее поклаже!

– Да отдай ты им свои вещи! – зашептала белка, по черенку лопаты взобравшись Изабелле на плечо. – Подумаешь, сапоги! Отец тебе еще лучше купи!

Вероятно, это и был самый разумный выход. И Изабелла даже сняла черенок лопаты с плеча и кинула узелок на землю.

Но вдруг другой разбойник, до того времени стоявший безмолвно, вдруг воскликнул:

– А зачем нам ее тряпки! Вы на нее посмотрите! Замарашка-то хорошенькая, что фарфоровая куколка. Давайте ее возьмем, да и продадим какому-нибудь купцу!

Изабелла крепче сжала черенок лопаты. Положение становилось все опаснее.

«Вот оно, платье! – сердито думала она. – Будь я в штанах и в сапогах, просто удрала бы! Или влезла на дерево, и они бы меня не достали! А в этой линиялой тряпке с оборками и в этих разбитых тапках далеко не убежишь...»

– Господа разбойники, – произнесла она уверенно, но как можно мягче, чтобы не злить бандитов. – Давайте сделаем так: я вам добровольно отдаю свои вещи, они довольно хорошие и дорогие, это правда. А вы меня отпускаете с миром и мы все забываем о нашей встрече. И никто не остается внакладе!

– Хитрая какая! – шикнул на нее бандит. – Что нам толку с твоих сапожонок, они мне на руку малы будут! Кому мы их продадим? Ребенку? Да и отпускать тебя опасно; обещать ты можешь что угодно. Но потом проболтаться у первой же стражи. А так, – он осклабился, – мы тебя отмоем и продадим подороже. Ну, иди сюда, не бойся. Мы тебе не сделаем больно, цыпленок. Потискаем немного, может быть. Уж больно ты хорошенькая. Румяная, беленькая. Спелая, как земляничка...

Он потянул к Изабелле руки, трубочкой, как в дамском журнале, скрутил губы, противно причмокивая, и присел, будто собирался и в самом деле ловить курицу или цыпленка в изгороди. Глазки его масляно, похотливо блестели, бровки домиком вскарабкались на лоб.

– Иди ко мне, – ворковал разбойник, передвигаясь на полусогнутых ногах, будто у него ишиас прихватил поясницу. – Ну, будь хорошей девочкой! Не хотелось бы применять силу и портить такой товар...

Кровь и ярость закипели в жилах у Изабеллы. Гнев с гудением, как дым в трубе, рванул в голову, и крышечка зазвякала. Крепче перехватив свою лопату, с воплем ненависти, Изабелла размахнулась и приложила разбойника черенком.

– Хрясь! – сказала лопата кратко, агрессивно и цинично, чертя ровную алую полосу на лбу негодея.

– Бам! – сказала удивленно голова окосевшего разбойника.

– Крак! – крикнула перетянутая вторым ударом через перекосившееся левое плечо спина несчастного.

– Ну, держитесь! – выдохнула Изабелла, ловчее белки вскакивая на спину рухнувшего к ее ногам разбойника.

– Эй, бешеная девка! Брось палку!

– Может, ну ее?.. Как мы продавать ее будем, если она брыкается, как злой ишак?

– Свяжем, как кровяную колбасу, и продадим! А потом уж ее злость будет проблемой покупателя!

- Бей их, Белла! - орала белка, взобравшись воинственной девушке на шею и вцепившись в ее волосы, словно в удила. - Получите, негодяи!

Изабелла не слышала ее. Злость затопила все ее сознание, и все, что она могла - это скакать на похрустывающей позвонками туше разбойника и отмахиваться от негодяев своей лопатой.

Правда, теперь они были предупреждены о том, что жертва им досталась не из робкого десятка, колючая и несговорчивая. И отважная - прежде, чем на Изабеллу накинули сеть, она успела угостить своей лопатой еще пару разбойников, выбив им зубы и оставив на память по приличному синяку на загривках.

- П-ложь! - орала белка, которую опутывали сетью вместе с брыкающейся девушкой. - Кому сказала, п-ложь на место! У меня чумные блохи!

- Негодяи, мерзавцы! - вторила ей Изабелла, брыкаясь и не щадя челюсти разбойников. Им больше всего доставалось пятками девушки. - Вам это с рук не сойдет!

- И не такое сходило, - снисходительно произнес главарь, кое-как поднимаясь с земли. - Спасибо, кстати, Цыпленок! Годный массаж!

И он ещё раз хрустнул выпрямившейся поясницей.

- Дай-ка мне еще раз на минуточку мою лопату, - яростно рычала Изабелла, которую разбойники общими усилиями взвалили на плечи самого рослого из них, - и я тебя еще не так отмассажирую!

- Ну, ну, - надменно усмехнулся разбойник, хотя лоб его предательски посинел, а оба глаза закрылись напolzшими верхними синими веками. Да и перебитый нос стал похож на спелую сливу... - Ты же не думала всерьёз, что тебе удастся убежать от нас? Ты, конечно, дерзкая, смелая, этого у тебя не отнять! Но - всего лишь девчонка, и драться толком не умеешь.

- Зато я умею, - раздался величественный и грозный, словно раскат грома, голос из подлеска, там, где тропинка выныривает из-за пышных кустов. - А ну, отпустите ее, негодяи!

И все, включая белку, мигом смолкли и обернулись туда.

На тропинке, охваченный лучами солнца, пробившимися меж кружевом листвы, стоял Люк, растрёпанный и запыхавшийся, но все равно почему-то очень красивый и грозный, как дух мщения.

Изабелла ахнула и снова поймала себя на мысли, что Люк красивее всех молодых людей, которых она видела когда-либо в своей жизни. Высокий и широкоплечий, атлетически сложенный.

Его насквозь просвеченные солнцем золотые волосы пылающей короной лежали на голове, голубые глаза угрожающе смотрели из-под сурово сдвинутых бровей пшеничного цвета.

Рубашка, короткие, до колен, штаны, зелёный жилет, шитый золотом, - все было натянуто наспех и толком не застегнуто. На загорелой шее, как и думала Изабелла, красиво сверкала золотая цепочка с медальоном.

Чулки Люка сползли и складками лежали на туфлях.

Туфли были пыльные и разглядеть, модные ли на них пряжки, не представлялось никакой возможности.

- Это еще кто такой? - насмешливо произнес разбойник, рассмотрев неожиданного соперника. - Что за павлин отыскался в наших лесах? Расшит золотом, как кошелек знатной дамы? Прямо золотой мальчик!

- Тот, кто хорошенько намылит твою бычью шею! - заносчиво выкрикнул Люк, тыча в сторону разбойников сорванной веткой. - Это моя девушка! А ну, быстро отпустите ее, мерзавцы!

– С чего это я твоя девушка? – возмутилась Изабелла. – А ну, не слушайте его! Похищайте меня скорей! Лучше быть похищенной, чем связываться с этим вруном! – выкрикнула она яростно.

– Это почему это я врун? – возмутился Люк.

– Потому что носишь в медальоне на шее портрет другой девушки! – язвительно кричала Изабелла. – Ну, чего встали? Похищайте!

– Прекрати указывать, что нам делать! – внезапно разозлился разбойник. – Жертвы разбойничьего произвола себя так не ведут! И хватит уже тут ругаться! Развели, понимаешь, романтическую драму... Сначала женитесь, а потом уж ругайтесь у себя на кухне, без свидетелей! Почему невинные люди должны страдать, слушая ваши скандалы?!

– Глупая, упрямая девчонка! – проорал меж тем воинственный Люк. – Хорошо, можешь считать меня лгуном! Только я все равно спасу тебя, потому что это мой долг!

– Твой долг, – прокричала рассерженная Изабелла, – грядки поливать и выкорчевывать сорняки!

– Да черта с два ты ее спасешь, – обиделся разбойник, на которого ни Люк, ни Изабелла внимания почему-то не обращали. – Я вам тут что, пустое место?! Меня в расчет никто не берет?! Сопляк позолоченный, ты думаешь, что палкой справишься со мной и с моей бандой?! Да мы таких, как ты...

– Так я сейчас, – ответил Изабелле Люк, стаскивая жилетку и ловко подтягивая чулки, – и выкорчю эти!

И он ткнул в сторону разбойников своей палкой, как заправский мушкетер.

– Защищайтесь, сударь! – проговорил он зловеще.

Разбойники, глядя на его импровизированное оружие, разразились гоготом, утирая катящиеся градом слезы.

– Что ты можешь со своей веткой против моей верной сабли? – произнес, отсмеявшись, разбойник, вынув свою саблю из ножен и любовно ее оглядывая.

Но Люк не испугался. Глаза его горели смелостью и азартом.

– А так? – произнес он, разжимая пальцы.

Ветка с подвядшими листьями упала ему под ноги, и в руке его обнаружилась шпага, острая и опасная как хищное жало осы.

Шпага – это было уже намного серьезнее, чем палка. Конечно, немного пофехтовать с Люком с палкой было б забавно, но после первого же выпада разбойник отчего-то подумал, что связываться с Люком не стоило бы вообще.

– Вж-ж-жау! – злобно и гадко говорила шпага Люка, рассекая воздух и жаля незадачливого обладателя великолепной сабли.

То ли Люк и правда отменно дрался, то ли разбойники ему попались бестолковые, но первого соперника Люк изжалил своей шпагой вдоль и поперек.

С визгом отлетали срезанные пуговицы на кожаном сюртуке и жилете негодяя, по очереди отвалились роскошные усы, вихор на макушке и клочок бороды, обнаружив на подбородке кровавую ссадину.

Сабля же не поспевала за шпагой Люка.

Садовник метался по поляне, как злой дух, размахивая оружием, и онемевшие разбойники смотрели, как он лишает их главаря предметов гардероба, попутно расписывая его старую кожу кровавыми письменах. Злая шпага рассекла ремень на штанах бандита, и штаны предательски поползли вниз, мешая драться. Придерживая их свободной рукой, пытаясь, израненный и несчастный, разбойник двигался все медленнее и поспевал все меньше, получая обидные шлепки и острые безжалостные тычки.

- Давай, Люк! - верещала белка, ерзая всем телом и стараясь высвободиться из ячеек сети. Она совсем позабыла, что еще недавно дразнила самого Люка, покачивая медальоном у него перед носом, и теперь искренне болела за него. - Покажи им, как связываться с нами! Надавай им тумачков по шее! Бей их!

Последним ударом Люк выбил оружие, отшиб разбойнику пальцы, хлестко попав по руке, и в великолепном выпаде проткнул его объемное пузо.

Изабелла зажмурилась и отвернулась, вскрикнув. Эта сцена была явно не для дамских глаз.

Но из-под грязноватой рубахи посыпались отнюдь не кишки; из прорехи полилось потоком золото, монеты, украшения, цепочки, и разбойник стал тощее чуть не вдвое.

Зажимая прореху одной рукой, подтягивая штаны другой, завывая от страха, проигравший бросил своих бравых головорезов и умчался в лес.

Но осталось еще четверо, вооруженных, озлобленных и не менее толстых.

Здоровяк, удерживающий Изабеллу на плечах, взревел и скинул ее вниз, на траву, выхватывая довольно серьезное оружие - дубину, окованную железом.

Против такого оружия со шпагой не попрыгаешь; но Люка не испугала и эта могучая боевая палица. Грозно ревя, как марал в чаще леса, великан размахнулся своей дубиной, и земля полетела из-под железных шипов.

Изабелла уткнулась лицом в траву, обмирая от страха, потому что ей казалось - еще немного, и великан настигнет Люка и пришибет его своей дубиной. А белка напротив, горела желанием действовать. Извиваясь, как червяк, она тарасила глаза, выбираясь из-под сетки и оставляя на ней клочья своей шерсти.

Наконец ей это удалось, и она с воинственным цокотом попрыгала в атаку на великана, который напал на Люка.

Люк был слишком верткий и шустрый, и разбойник с дубиной итак здорово утомился за ним гоняться. А тут еще и эта белка... вереща и цокая, она взобралась здоровяку по спине на голову, на самое темечко, и, свиснув оттуда, цепко ухватила его за лохматые брови.

- Поворачивай! - верещала она, упираясь задними лапами в гармошку морщин на лбу разбойника, а передними изо всех сил дергая его за брови, раскрывая ему пошире глаза на мир и делая выражение лица очень удивленным.

Все эти манипуляции разбойнику очень не понравились, и он, не долго думая, что есть силы шлепнул себя ладонью по лицу, влепив хорошую оплеуху.

По белке, конечно, не попал, а вот сознание из себя едва не выбил.

- Аг-га! - верещала белка, скача на его темени и исполняя зловещую пляску смерти. - Получил, да-а-а! Я тебе покажу!

Разбойник озлобился, начал метаться, хватать себя за бока, по которым, словно по вековому дубу, металась неуловимая белка. Но, конечно, ухватить ее не удавалось. Более того - белка вдруг словно вспомнила какое-то заклятье. Шустро взобравшись на голову умаявшемуся разбойнику, она что-то шепнула над его теменем, шустро посучила пальцами, будто солила суп. Золотые крупинки магии скудно посыпались на голову разбойника, и неведомая сила начала поднимать его в воздух.

Он закричал, чувствуя, что ноги его не касаются земли, а сам он взлетает, медленно и важно, словно цепелин. Миг, другой, третий - и его подняло достаточно высоко. Белка радовалась и верещала, скача по разбойнику и раскачивая его.

Затем она одним прыжком перепрыгнула на близлежащее дерево и разбойник, лишенный ее магии, сверзился на землю, с грохотом и звоном, и там замер, неподвижный.

- Па-лу-чи-и-ил! - верещала белка злорадно. - Ну, кого еще заколдовать? Подходи по одному!

Великан пал; и его трое товарищей встали теснее плечом к плечу, чтобы отомстить за него. У них, как и у главаря, были великолепные сабли, и они ударили разом. С лязгом скрестились их сабли и шпага Люка.

Но Люк, приняв их удар, нашел в себе силы чтобы не только удержать, но и оттолкнуть из оружие.

- Вали их, Люк! - верещала белка, кровожадно прыгая на поверженном великане. - Бей их!

С этими тремя, которые нападали бестолково и мешались друг другу, Люк наскоро сыграл в крестики-нолики, прочертив на одежде каждого по несколько крестообразных прорех и проткнув каждого в районе живота, чем вызвал неудержимое золототечение.

Трое разбойников оказались умнее предыдущих двух, и потому ретировались очень быстро. Они прыжками умчались в кусты, помечая свой путь золотым следом.

- Победа! - голосила белка верхом на уползающем раненном великане. - А-а-а, забоялись? Меня забоялись? Будете знать, как связываться со мною! Я вам не просто так! Я Вильгельмина Герхен-Дармоядская!

Люк поспешил к Изабелле и в один взмах вспорол сеть, в которую завернули ее разбойники.

- А ты хорошо дерешься, садовник, - прошептала Изабелла, все еще испуганная, дрожащая и порядком помятая разбойничьими лапами. - Не думала, что в руках, которые с утра до ночи поливают розы, столько силы...

- Я в армии служил, - ответил Люк серьезно. - Ты как, цела? - тревожно спросил он, помогая девушке подняться на ноги. - Испугалась? Говорил же я тебе - ты слишком беспечно и легкомысленно себя ведешь для девушки! Одна разгуливаешь по лесам...

- Этих разбойников здесь быть не должно было, - всхлипнула Изабелла. - Я этот лес знаю, как свои пять пальцев...

- Сегодня не должно, а завтра должно! - возразил Люк. - Никогда не угадаешь, когда и где настигнет тебя беда!

- Да, - горько ответила Изабелла, переводя дух. - Такое мое везение, значит. Вчера встретила проходимцев-гномов и пьяницу-белку, сегодня - разбойников и одного обаятельного мошенника, который позвал меня замуж, вероятно, уже женатый на другой, портрет которой он носит рядом со своим бессовестным, лживым сердцем! Все, оставь меня. За спасение спасибо. Но ухаживания свои оставь при себе. С меня хватит всего этого - разбойников, пьяниц и... слишком красивых мошенников.

Голубые глаза Люка потемнели, губы сжались в узкую полоску, брови гневно изогнулись.

- Посмотри, что там, в медальоне, - резко велел он. Слишком резко, слишком повелительно; в его голосе прорезались прямо-таки стальные нотки, пугающие больше зловещего свиста его шпаги, и Изабелла едва не сделала то, о чем он ее просил.

Ее руки испуганно потянулись к медальону, но тут же отдернулись.

- Нет! - выпалила Изабелла упрямо. - Даже не вздумай мне сейчас показывать своих подружек! Что она там, уродлива? Без глаза? Без носа? Ты с ней из жалости? Что?!

Все эти глупости Изабелла тоже почерпнула из журнала, когда немного его читала. Там был опубликован какой-то дамский трогательный роман, и красивый герой совершил нечто подобное. Соединил свою судьбу с судьбой увечной, но коварной и расчетливой девушки. И очень этим терзался.

Словом, трагедия.

Но Люк, кажется, этого журнала не читал.

Обхватив Изабеллу за плечи, он прижал ее к дереву, к шершавой и грубой коре, подавил все ее попытки сопротивления и снова повторил едва ли не по слогам, глядя злым взглядом в глаза девушки:

- Открой. Его.

- Там девица, девица! - заверещала белка, мгновенно позабыв о том, как болела за Люка.

- И прехорошенькая! Не позволяй ему тебе голову заморочить! Ишь, хитрец какой!

Но тут свое злое «вж-ж-ж-ау!» сказала шпага Люка. Распоров воздух, она едва не ткнула острием прямо белке в нос.

- Замолчи, глупый зверь, - процедил Люк зловеще.

И та, увидев сверкающую сталь у своей морды и суровый взгляд молодого человека, направленный на нее, мигом обмякла, пустила лужу и сдулась, как проткнутый шар, упав в обморок.

- Давай, - обернулся Люк к Изабелле. - Расстегивай его.

Стало совершенно ясно, что просто так Люк не отстанет. Изабелла, морщась и корча недовольные рожицы, взяла медальон и нажала на крохотную кнопочку.

Крышечка медальона отскочила и Изабелла действительно увидела портрет, но не девицы, а зрелой дамы с удивительно красивыми голубыми глазами и такими же золотыми, как у Люка, волосами.

- Это портрет моей матери, - пояснил Люк. Голос его дрогнул и перестал быть таким пугающим и жестоким. - Единственный портрет, который... словом, он мне дорог. Я не мог допустить, чтобы этот глупый грызун потерял его где-то в лесу. Конечно, и тебя я не должен был бросать, прости! Но...

- Люк - выдохнула Изабелла, совершенно счастливая. Она обхватила его лицо ладонями и покрыла поцелуями его горячие щеки, его лоб, глаза и даже нос. - О, Люк! Да замолчи же ты уже!

Глава 4. Любовь и долг

- Что я скажу Фее, что я ей скажу! - выла в отчаянии белка, колотя кулачками в крепкую дубовую доску. - Она скажет мне: «Вильгельмина, фу, какой позор! Ты не справилась, ты не уберегла свою подопечную до брака!» Принц - он ведь должен выбирать все самое лучшее, из самых лучших девушек королевства! Белла, ты понимаешь, что автоматически вылетаешь из отбора?! Из самого важного, самого престижного в твоей жизни отбора! А ведь я профессионал! Я заслуженный наставник! Я должна была довести тебя в отборе до победы! Это повысило бы меня в звании! Награда «Наставник года» потеряна! Что же вы делаете, кабанячьи дети! Вы разрушаете мою карьеру, мою репутацию, мою жизнь!

Но ее вопли были не слышны из шкафа, куда ее сунул Люк и подпер для надежности дверцу стулом. Дверцы шкафа были толстые, хорошо подогнанные, и белкины вопли из-за них доносились едва слышным, неразборчивым писком.

...До лесной сторожки Люк донес Изабеллу на руках. Боевая лопата с болтающимся на ней узелком лежала на его плече, и на ней, как безумная, скакала в отчаянии белка. Она даже сделала пару кругов по влюбленным, но ее никто не ловил и не пытался скинуть или прихлопнуть.

Она выла и рыдала, совершенно точно понимая, куда и зачем несет Изабеллу Люк, но поделать ничего не могла. Ее просто не слышали; молодые люди смотрели только друг на друга, дышали одним дыханием, жили в одном мгновении, в одной ласке, в прикосновении друг к другу, и меховая приставала им была не помеха.

- Так я могу узнать, - произнес Люк, осторожно укладывая девушку на постель, все еще смятую, оставленную ими двумя не так давно, - как зовут спасенную мной принцессу?..

Теперь этот вопрос не вызвал у девушки отторжения. Она зарделась, потупила взгляд и шепнула чуть слышно:

- Изабелла...

- Изабелла! - рыдала белка, от отчаянья дергая шерсть из головы. - Иза! Белла! О, какой позор на мою седую голову!

- Ты не седая, - отрезал Люк. - Ты просто линяешь. И голова у тебя уже давно перелиняла. Остался зад.

Белка ответила ему горестным стоном, трагично заламывая лапы. Тут-то Люк ее и прихватил, и сунул в шкаф.

Жилетка Люка, сшитая из красивого бархата цвета весенней травы, расшитая золотыми листьями, была еще влажная, и Люк ее с удовольствием скинул. Стащил он и непросохшую рубашку, и его голая влажная спина заблестела под солнечными теплыми лучами.

Он склонился над девушкой, поймал губами ее губы, и они оба прильнули друг к другу, тесно сплетя руки.

Солнце играло бликами на обнаженной коже, солнце запуталось в волосах Люка и не позволяло открыть глаза. Руки Люка распустили шнуровку на старом платье девушки, осторожно стянули с плеч Изабеллы одежду, и Люк прижался губами к обнаженному плечу Изабеллы, бережно обнимая ладонями ее спину.

- Остановитесь, глупцы! - вопила выбившаяся из сил белка, барабанив в дверь все тише и все реже. - Прекратите это! Я все слышу!

Но что она могла слышать? Осторожные, нежные касания? Сладкие частые поцелуи и чуть испуганные вздохи, когда вся одежда была снята и два обнаженных человека крепко прижались друг к другу?

Руки Люка скользили по телу Изабеллы, любовно повторяя каждый изгиб, чертя на атласной коже какие-то символы, отыскивая чувствительные места, при прикосновении к которым девушка захлебывалась дыханием и стыдливо сжимала колени.

«Ох, все-таки, он очень взрослый!» - в панике думала Изабелла, чувствуя, как горячий язык Люка ласкает ее соски, как молодой человек любовно обнимает ее груди и нацеловывает темные острые вершинки до невыносимого острого покалывания, которое сладкой негой, пьянее, чем вино, проливается в кровь и разжигает в ее невинном теле страсть.

Губы Люка были теплыми, мягкими, страстными. Он ими накрывал губы Изабеллы, сладко и нежно прихватывал ее язык, и Изабелла обмирала, понимая, что с нею творится то неизвестное и запретное, что называется любовью.

Первые порывы, первое влечение, первые сломанные табу...

Горячее тело Люка прижималось к ней. Изабелла ожидала, что все превратится в неловкую возню, но этого не произошло. Наверное, оттого, что Люк не хотел ее спугнуть и точно знал, что нужно делать. Его рука легла на ее розовый животик, девушка вздрогнула, ощутив сладкие волнующие спазмы. Никогда и никто прежде не касался ее обнаженного тела, ничьи руки не проникали меж ее стыдливо сжатых ног и не касались ее женского естества так ласково и так чувствительно, что дыхание замирало в ее груди.

Люк зажал рот девушки самым сладким, самым изощренным поцелуем, и потому запертая белка не услышала дрожащий нежный стон, когда его пальцы чуть крепче прижались к ее тайному чувствительному местечку, мокрому и возбужденному.

Он поглаживал там, поймав пальцами чувствительную точку, осторожно массировал, да так, что девушка часто-часто задышала и выкрикнула свое острейшее удовольствие, не в силах его переносить. Меж ног ее стало мокро, девушка ухватила руку молодого человека и с силой прижала ее к себе, с трудом переводя дух. Удовольствие, что он ей подарил, было чрезмерным, слишком непривычным и острым, и она испугалась своей реакции, своего тела, так прореагировавшего на простые прикосновения.

Губы Люка, оставляя дорожку теплых следов на коже, целовали девушку все ниже; на шее, на ямочке меж ключицами, на вздымающейся груди, на подрагивающем от волнения животе, на розовом треугольнике между стройных ног.

Там он задержался дольше, в страсти исцеловав все, весь животик, бедра, лобок. Сжав бедра девушки ладонями, Люк прижал свою кудрявую голову к ее животу, упиваясь ее чистым прекрасным и нежным запахом, и Изабелла почувствовала, как он дрожит, сгорая от нетерпения.

- Я ведь и правда полюбил тебя с первого взгляда, дерзкая лесная разбойница, - хрипло произнес он.

- А я тебя, позолоченный и расфуфыренный садовник, - внезапно для себя самой призналась Изабелла, привлекая его к себе и заглядывая в его голубые светлые глаза. - Я всегда думала, что мне ни за что и никогда не понравится такой юноша, как ты...

- Какой? - рассмеялся Люк, прижимая девушку к себе.

Изабелла смутилась; но Люк смотрел так ласково, что она все же отважилась ответить.

- Слишком красивый, - шепотом призналась она, поглаживая его щеку и изумленно рассматривая его лицо. - Слишком нарядный. Я думала, такие молодые люди умеют только болтать, и если на них нападут разбойники, они перепугаются и скинут все, до подштанников, лишь бы их не трогали...

Люк на это снова рассмеялся и лишь крепче поцеловал Изабеллу, с обожанием лаская ее обнаженное тело.

Изабелла отвечала на его поцелуи неумело, но страстно, утопая в ласке, в страсти и в волнительном предвкушении. Она не хотела ни о чем спрашивать, она не хотела ничего слы-

шать. Ей хотелось только одного - слиться с Люком воедино, познать радость плотской любви, реализовать свою проснувшуюся чувственность.

Его руки ласкали ее, нежно коснулись ее бедер в самом мягком, самом чувствительном месте, и заставили девушку развести ноги. Мягко и осторожно, чтобы не испугнуть ее, Люк опустил на ее трепещущее тело и снова улыбнулся. Изабелла почувствовала это, целуя его губы, и улыбнулась ему в ответ.

Ее длинные ноги мягко обняли его, позволяя молодому человеку прижаться еще плотнее. Девушка дрожала от волнения, и никакие поглаживания ее не могли успокоить. Жесткий член Люка прижимался к ее лону, мягко поглаживал там, и Изабелла, заходясь в столах и горячем сбивчивом дыхании, вскрикивала каждый раз, когда крепкая головка нажимала на горячий влажный вход в ее тело.

- Ну! - вскрикнула она, нетерпеливо извиваясь под молодым человеком, вцепляясь в его плечи ногтями и вся сжимаясь, чувствуя, как нечто упругое давит, проникая в ее жаждущее тело чуточку глубже и тревожа ее так чувствительно и так волнующе.

Люк удобнее подхватил Изабеллу под ягодицу, мышцы на его спине под ее руками напряглись, и его член одним толчком проник в ее лоно. Обожгло болью, девушка вскрикнула, замерев на миг, и шкаф ответил ей бурными писклявыми рыданиями.

Изабелла лежала под Люком, сердечко ее быстро-быстро колотилось. Новые, неведомые доселе ощущения наполняли ее тело, и она со стоном перенесла следующий мягкий толчок в ее тело.

«Все, - подумала она в непонятном ликовании, поднимающемся из самой глубины ее души, - я принадлежу ему».

- Ты моя, - нежно сказал Люк, гибко двинувшись над ней и проникая в ее тело глубже. Изумление отразилось в широко раскрытых глазах девушки, она ахнула, но ее болезненный стон Люк стер ласковым поцелуем. - Моя навсегда.

- А ты мой, красивый садовник, - ответила Изабелла, переводя дух.

Люк подхватил ее под бедра, разводя ее ноги шире, делая девушку более открытой для себя, и толкнулся в ее лоно еще и еще, наполняя ее тело чувственным удовольствием. Изабелла вскрикнула, чувствуя движения его члена в своем теле. Это пугало ее и одновременно с тем возбуждало. Принимая его в себя, она всхлипывала, крепко закрывала глаза и выгибалась навстречу его толчкам, чувствуя только, как и он льнет к ее влажной коже, как его ладони сжимаются на ее теле и притягивают к себе, ближе, плотнее.

Колючими звездами удовольствие рассыпалось по нервам, наполняя все тело девушки, с головы и до кончиков пальцев. Она и не знала раньше, что ее тело может быть источником такого наслаждения. Наслаждения, что напрочь лишает ее воли, наслаждения, что заставляет ее бесстыдно прижиматься горящим лоном к молодому человеку, поскуливать, выпрашивая еще ласки.

Ее переполненное ласками тело извивалось, дрожало крупной дрожью, девушка то и дело вскрикивала, плотнее прижимаясь к Люку, и тот целовал ее, успокаивая и нежно лаская ее разгоряченный ротик, продолжая размеренные и плавные движения, погружаясь в ее тугое лоно. Изабелла вскрикивала, глядя вниз, меж движущимися телами, краснея от увиденного, и снова откидывалась назад, крепко зажмуривая глаза. Ее невинный разум был смущен, но то, что делал с ней Люк, был слишком сладко, слишком желанно, и она покорялась его власти над собой, подставляя свое невинное юное тело под его руки, под его поцелуи.

Девушка уже не стонала - она кричала, когда член Люка погружался в нее глубоко, очень глубоко, заставляя ее трепетать в объятиях молодого человека.

- Люк! О, как хорошо, Люк!

В изумленно распахнутых глазах девушки плескалось блаженство. Она прижалась лицом к его плечу, вжалась в его мокрое тело, крепче обхватила его ногами, обвила руками горячие плечи.

- Я сейчас умру, Люк! - выкрикнула она. Ей казалось, что все ее тело, пресыщенное наслаждением, наполняется чем-то новым, сильным, невыносимым. Первые сладкие спазмы охватили ее живот, девушка сжималась в испуге, пытаясь остановить то неведомое, что с ней происходит, глухо постанывала, прижимаясь к Люку и ища поддержки.

Но это ощущение не оставляло ее. И когда девушка подумала, что сейчас ее сердце остановится и дыхание навсегда замрет в ее груди, ослепительно-прекрасное страдание навалилось на нее жаркой волной.

Изабелла кричала, вздрагивая от каждого толчка в своем лоне, рычала, хрипло выдыхая невероятное наслаждение, и Люк вторил ей, двигаясь в ее теле отрывистыми, сильными, жесткими толчками, ловя губами ее горячие вздохи.

- А теперь что?

Этот вопрос испуганным голосом Изабелла задала сразу же, как смогла отдышаться и начать говорить.

Что теперь?

Ее тело вздрагивало в объятьях Люка, молодой человек поглаживал ее влажную горячую кожу и чуть касался губами ее разгоряченных губ.

Из шкафа раздалось зловещее завывание, будто заблудшая грешная душа намеревалась съесть свою жертву, встретившуюся ей на ночном кладбище.

- Что теперь, что теперь! - завывал шкаф. - Об этом раньше надо было думать!

Люк нехотя склонился, свесился с кровати, подхватил сапог и запустил его в дверцу шкафа. Привидение смолкло.

- А теперь, - ответил Люк, возвращаясь к девушке и обнимая ее крепче, - нам надо пожениться. И как можно скорее.

Изабелла, конечно, ждала этого ответа.

Она слышана была о молодых людях, которые исчезают из жизни девушки, сорвав с ее губ запретный первый поцелуй, и думала, что Люк, получив слишком много, попытается, хотя бы попытается как-то вывернуться, уйти от продолжения отношений. И его предложение выйти за него замуж в этом случае могло бы, конечно, последовать, но уже не так уверенно и без напористого энтузиазма. А значит, к логическому завершению - к свадьбе, - его пришлось бы подталкивать. А Изе этого так не хотелось бы.

Не хотелось после такого великолепного утреннего любовного марафона пробовать на вкус тоскливое отчаяние, не хотелось неловких сцен, дрожащего голоса, произносящего какие-то жалкие, ненужные слова.

Но разговор о женитьбе продолжился таким уверенным тоном, что Изабелла даже немного растерялась, понимая, что сама не готова к этому.

«Пожалуй, на этом этапе мне было бы достаточно твердого обещания, - подумала она, трепеща от волнения. - Мне ведь нужно время, чтобы прийти в себя и все обдумать! Да и свадьба... что скажет отец?! И кто нас обвенчает - все священники в округе меня знаю, каждый из них хотя бы пару раз пытался изгнать из меня дьявола... веселые были времена, эх! Если кто-то из них возьмется за это, то отцу будет известно в тот же день...»

- погоди, - испуганно произнесла она. - Но если я выйду за тебя замуж, то это означает... означает, что мы жить вместе будем!

- Конечно, - подтвердил Люк серьезно.

- Но на что?! И, главное, где?!

- Что ты так пугаешься, - улыбнулся он, ласково коснувшись ее щеки. - Когда девушка выходит замуж, ей приходится уйти из отчего дома и жить вместе с мужем. Так всегда было. И ты зря беспокоишься; я смогу содержать семью, и прокормить нас с тобой могу без особого труда. Ты не будешь ни в чем нуждаться. Не бойся.

- Будешь работать садовником в богатых домах?

Люк пожал плечами.

- Если тебе эта профессия не нравится... Могу пойти на службу в армию, - ответил он. - В соседнем королевстве была война, так вот я командовал целым полком. И весьма успешно.

- Ого-го! - удивилась Изабелла. - Нет, пожалуй, на войну не надо. Поливай свои розы. Но вот что скажет отец...

- А кто у тебя отец? - спросил Люк. - И разве он не будет рад, что дочь выходит замуж, да не просто так, а по любви?

И тут Изабелла не нашла, что ответить.

«Вот сейчас Люк близок к тому, чтобы удрать, как никогда! - мрачно подумала она. - Папа-то у нас Королевский Лесничий. И в его власти велеть поймать соблазнителя-садовника и как следует надрать ему его красивую задницу. Нет, нет-нет! Лучше молчать! Потом... когда мы с Люком поженимся. Тогда я все расскажу и отцу, и Люку... но не раньше!»

- Он хороший и добрый человек, - вздохнула она, уstraиваясь на груди Люка удобнее. - Но, сам понимаешь, я доставляю ему столько хлопот и забот...

- Понимаю, - усмехнулся Люк, обняв девушку за плечо и ободряюще поглаживая. - Но если он добр и благороден, я думаю, мы найдем с ним общий язык и поладим. В любом случае, не пугайся. Мы вместе; я рядом. Теперь я буду тебя защищать от всех невзгод.

- У тебя неплохо получается, - тихо шепнула Изабелла, краснея от удовольствия. - Продолжай в том же духе!

- Только обещай мне, - сказал Люк, - что не будешь доставлять мне столько хлопот, как твоему отцу.

- Я постараюсь быть хорошей женой, - горячо пообещала Изабелла. - Правда!

Наверное, они еще долго лежали б, обнявшись, и мечтали о том, как славно заживут вдвоём на берегу прекрасного озера, если б не одно опрометчивое действие, которое совершил Люк.

Он кинул сапог в шкаф. И немного сдвинул стул, которым была подперта дверца.

Этого хватило, чтобы отчаявшаяся белка, толкая дверцу изо всех сил, наконец-то смогла ее приоткрыть. Мыча, скаля зубы, тараща глаза, белка с трудом просунула голову в образовавшуюся щель, тихо ругаясь самыми плохими словами, что только существовали в мире.

- Ах вы, моfoли на копытах фтарых кабанов! - шипела она, упираясь лапами и с трудом вытягивая свое тельце из шкафа. Отчего-то она снова зашепелявила. Видимо, оттого, что сидя заперти, попыталась погрызть дверцу шкафа. - Козявки в нофу дохлого лофя! Дети чахоточных улиток! Надо мной фмеяться вздумали! Я вам покафу! Я ведь не профто так! Я Вильгельмина Герхен-Дармоедфкая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.